

10 КРУГОЛОП 77

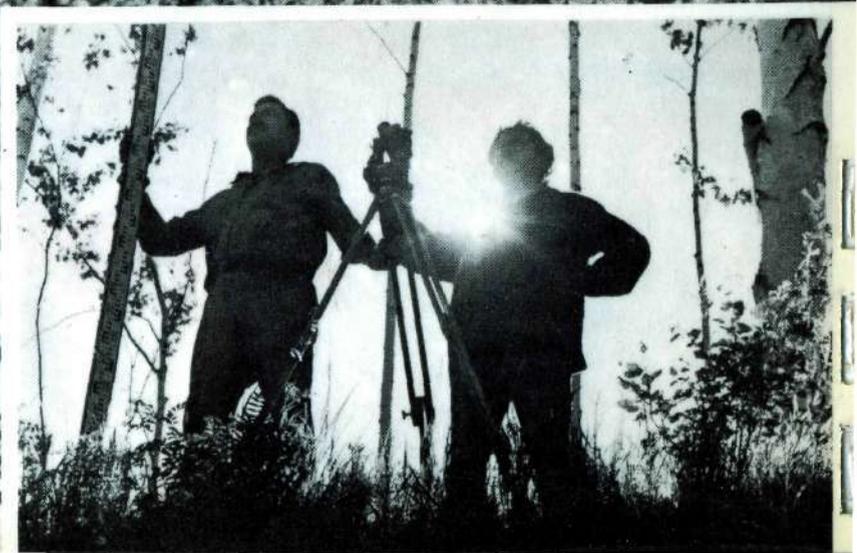


**КОНСТИТУЦИЮ
ПИШЕТ НАРОД**

*Сердце каждое
Радостью дышит,
И молва
По планете идет,
Что у нас
Конституцию пишет,
Как один человек —
Весь народ.
Наши думы
О мире, о хлебе,
Дел у каждого —
Невпроворот:
Пашем, строим,
Рисуем и лепим —
Конституцию
Пишет народ.
И как будто
Заветные строки,
Что никто
Никогда не сотрет,
Вырастают
На карте стройки —
Конституцию
Пишет народ.
Дорожим мы
Советской властью,
И от юга
До снежных широт
Голосуем
За наше счастье —
Конституцию
Пишет народ.*



Фото А. Лидова



An aerial photograph of a wide, winding river flowing through a dense forest. The river curves from the top center towards the bottom right. The forest is thick with trees, and the lighting creates strong shadows, highlighting the texture of the foliage and the banks of the river. The overall tone is monochromatic, with high contrast between light and shadow.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ:

СИБИРЬ

Весной 1932 года,
выступая в Новосибирске
на выездной сессии
Академии наук,
Глеб Максимилианович
Кржижановский
рассказал:
— Мне вспоминается,
что Владимир Ильич
неоднократно высказывался
относительно
того развертывания
необъятных возможностей
Сибири,
которое связано
для нас с победоносной
агрессивной революцией. ▶

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Таковы были сибирские мечтания Ленина в годы ссылки. Создавая партию, он уже думал о том, как эта партия преобразует Сибирь и всю страну. Гении не выбирали места своей ссылки. Но и в ссылке ярко горело солнце их разума. Ленин был гениальным творцом будущего. Все, к чему он прикасался, обретало то сияние, тот жар-цвет, который освещал путь нашего народа в будущее. Посмотрите на Сибирь сегодня! Это мощнейший индустриальный край. Шахты-гиганты, могучий Кузнецкий металлургический комбинат, заводы цветной металлургии, химической промышленности. Сибирь сейчас — и на юге, и на севере, и на западе, и на востоке — делает стремительный рывок вперед. Мы часто говорим: вот посмотрел бы Ленин... Ведь это то, о чем он мечтал. Ведь все это берет истоки из первоначальных ленинских предначертаний, его смелой мечты.

Савва КОЖЕВНИКОВ

От Ханты-Мансийского причала мы отошли на маленьком катере геофизического треста. На Оби только что кончился ледоход. Мы шли по большой воде на Север.

Обь — главная дорога Западной Сибири. Навстречу нам торжественно шествуют нефтеналивные баржи из Сургута и Нижневартовска, торопятся самоходки с лесом и техникой, стремительно рассекая воду, прямо по фарватеру мчатся на подводных крыльях «Метеоры».

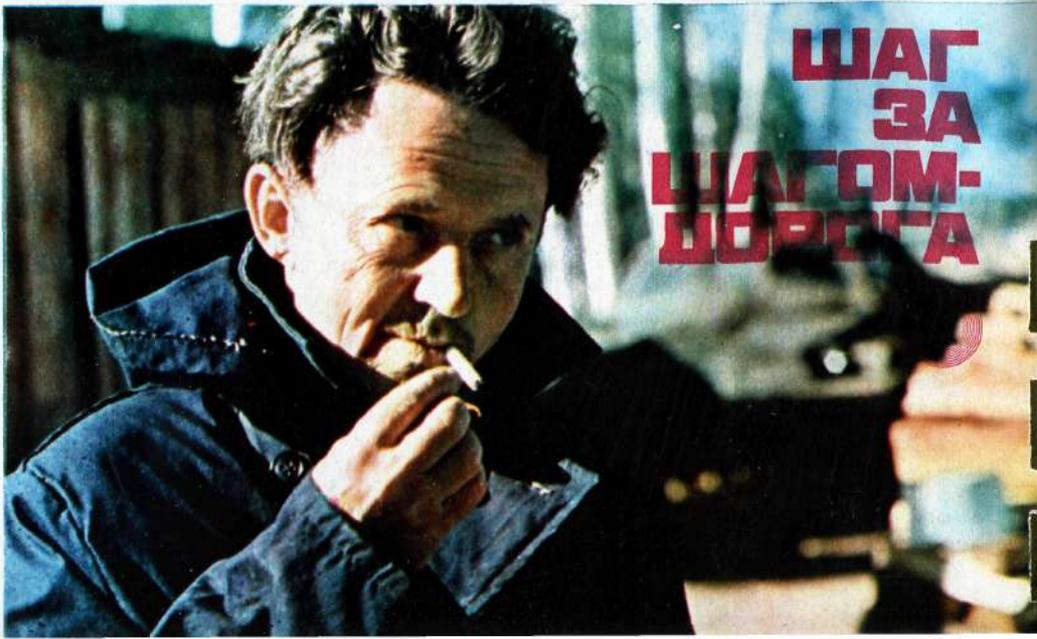
Главный инженер Ханты-Мансийского геофизического треста Леонид Николаевич Кабаев помнит эти места совсем другими. Здесь, в Сред-

нем Приобье, 18 лет назад началась его трудовая биография. Здесь, но уже в городе Нижневартовске, родился у него сын, а несколько лет спустя Кабаев был удостоен самого почетного для геолога звания — первооткрыватель. Вместе с полевыми партиями геофизиков прошел он тысячи километров по непроходимым болотам, «прочитывая» метр за метром неизведанную землю. «В шестидесятом году вылетел я для выбора места высадки экспедиции в район поселка Нижневартов-

ский, — вспоминает Леонид Николаевич. — Сделали два круга над крышами деревянных домишек. Сели на берегу Оби. Вижу — плывет обласок.

На нем хант с ружьем. Подплыл к берегу, а подойти к самолету боится. Я его подозревал, объясняю, как могу... Говорю: работать здесь начнем, трактора придут, машины. Нефть искать будем! Хант замахал руками — не поверил: «Медведи здесь есть да рыба — больше ничего нет, никакой нефти...» Хотел бы я встретиться с ним сейчас. Может быть, он в Нижневартовске, в городе теперь живет и ездит к себе на девятый этаж на лифте».

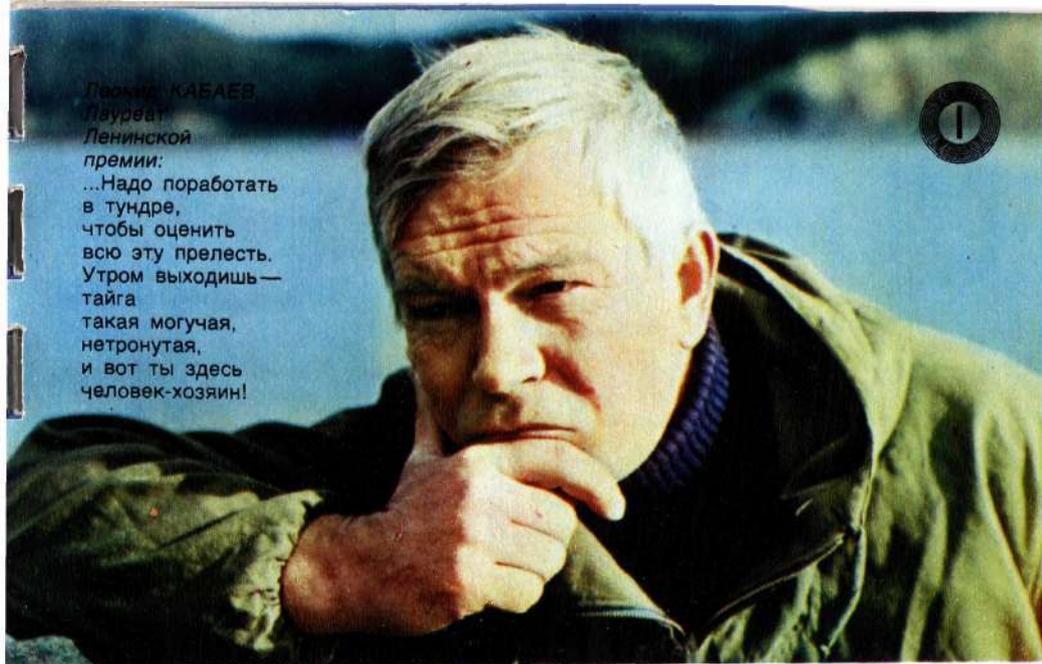
Тюмень, Самотлор, Уренгой — слова, известные всему миру. Больше ста нефтяных и газовых месторождений открыто здесь. Западная Сибирь — крупнейшая в стране



Лев ЛЕВ ЗАЛМАЕВ

Лауреат
Ленинской
премии:

...Надо поработать
в тундре,
чтобы оценить
всю эту прелесть.
Утром выходишь—
тайга
такая могучая,
нетронутая,
и вот ты здесь
человек-хозяин!



база нефтяной промышленно-сти. Межконтинентальные трубопроводы протянулись к заводам Урала, Сибири, Казахстана, прошли через Европу, через границы социалистических стран. «У нас, геофизиков, сейчас новые планы. Темпы роста промышленности диктуют необходимость опережающей подготовки разведанных запасов. Нам нужно правильно выбрать и оценить огромные площади, особенно на Севере. Чтобы минимальным числом скважин подготовить разведочные запасы».

Через трое суток мы бросили якорь в Салехарде. Главный инженер Леонид Кабаев руководил здесь переброской людей и оборудования на базы.

Алексей ЛИДОВ

Все дальше на восток уходят рельсы Байкало-Амурской. Таюра... Магистральный... Ургал... Березовка... И каждый победный рубеж БАМа отмечен новыми героями—людьми, которые сегодня определяют душу и масштабы стройки века. А сами герои?

— Мы не первые,—говорят они о себе.—Изыскателей, тех, кто пешком прошел от пикета к пикету всю великую магистраль,—вот кого надо считать истинными первопроходцами...

С одним из таких людей вы познакомитесь на второй звуковой странице. Это начальник экспедиции Гипротрансстрой Константин Спиридонович Мещанинов.

Наша встреча с ним произошла вблизи базы экспедиции. Сквозь листву берез пробивалось утреннее солнце. Мирно плескалась река.

— Зeya, красавица Зeya,—ложился на магнитофонную ленту голос Константина Спиридоновича.— А характер у нее суровый. Под дном реки почти сразу

начинается вечная мерзлота, и в дожди вода за сутки может подняться на восемь, а то и на все девять метров. А что такое вечная мерзлота, Константин Спиридонович знает отлично: ведь он начинал прокладывать здесь магистраль еще в 1939 году.

Не только магнитная запись напоминает мне о том, довоенном БАМе. На фотографии—столбик с надписью «БАМ». Это участок трассы Зeya—Нора. Снимок сделан в том самом 1939 году, когда в жизнь Мещанинова вошло это звонкое и зовущее слово.

Среди марей, продираясь сквозь заросли, звериными тропами двигался отряд изыскателей—зимой и летом, от столбика к столбику. И ложилась на карты ниточка будущей трассы.

— Да, во время войны, по существу, был сделан технический проект всей Байкало-Амурской магистрали.

Константин Спиридонович задумался, вспоминая старых друзей: Алексея Ива-

новича Осипова—руководителя проекта, Серафима Николаевича Степанова—он был начальником института Гипротрансстрой, Михаила Алексеевича Петрова—«громადной души человека».

Пока мы говорили, солнце взошло уже совсем высоко и на правом скалистом берегу Зeya стало хорошо видно зарубку—дело рук экспедиции Мещанинова. Здесь трасса БАМа прорежет выемкой берег и выйдет на мостовой переход через Зейское водохранилище—второй по величине мост на БАМе.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, Мещанинов и его друзья покинули берег Зeya: изыскатели углубились в дальневосточную тайгу. А им на смену пришли мостостроители. И в новом поселке уже есть первый коренной житель—у прораба Артеменко родилась дочь. Ее называли Лена.

Лев ЗАЛМАЕВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»



Александр
КОРЕНЕВ



МАГИСТРАЛЬ

1

Вы в Москве
Сейчас не представляете
Ни меня, ни эту кутерьму:
Режет в лоб...

А на алтайской глади
Все в морозе,
Как в седом дыму,
Может, снова

я коснулся
сути—

После фронта—
В снеговом краю...
Руки в масле у ремонтников,

в мазуте,

А мои
в гуаши и клею,
Вряд ли думал
В секции поэтов
Критик тот, долбая сборник мой,
Что съезжаться
Поглазеть на стенгазету
Будут верст за семьдесят,

зимой!

Потому и ворожу по суткам,
А потом—

как хорошо—

пешком

Хрустко пробежаться
Первопутком!
Или в белку
Залепить снежком!
Парни хваткие

со мною делят

Хлеб порой и мысли
и, тихи,
Шевеля губами и потя,
Постигают сложные стихи.
Среди них,
Горластых, пылких,
Небесами

я и сам пропах,
Ватники их— в щелбе и опилках,
Будто в самых ярких орденах.

2

По сугробам,
на морозе диком
Ковыляет к нам

какой-то тип
В городских штиблетиках, гляди!
Стриженный, дистрофик,

подрядиться
Хочет он (до дому не дойти)?



— Дать пимы ему,
Пусть вахтером сидит!
Солнце

окольцованною птицей
Косо над урманами летит...

3

В рань белесую,
Треух надвинув,
Жду бригаду в елках, на углу.

Стужа враз
Укол новокаина
Производит в левую скулу.
И навстречу

алому, гигантскому
Солнцу,
взмывшему над краем леса.

Шпарим
утрамбованною насыпью

На участок,
в час белесый...

Так, спина к спине,
Теснясь по-братски,
В холодине,

в мотовозной тряске
Шпарим, дымом греемся, поем.
Только так: в грязи,

в мазуте,
в краске
Чистыми
в грядущее войдем.

ОБРАЩЕНИЕ К ЛЕСУ

И уже на город боры сменя,
Вдали от просек и сел—
Спасибо, лес, тебе за меня,
Спасибо, родной, за все.

Спасибо

даже просто за жизнь—
Не ощущал острее,

Чем тут, где, трепетны и свежи,
Шумят вершинами деревья.
Пускай углубиться в их настой
Случается раз в году нам,
В лесу я человек такой,
Каким природой задуман.
Лишь здесь,

где плавно день течет,
Только сосен шума головами,
Я отдаю себе отчет
В своем существовании.

Я плоть, я вот он— человек,
Пришедший жить на землю.
Жизнь!.. И хотя срок ее— миг,
Как вечность ее приемлю.
Где сосен колонны

вокруг меня,
Где бор бело мощный, где
Кольца годов по срезу пня
Бегут кругами по воде...

И лишь тень от ствола
за часом час

Отмеряет, очертив колесо...
Спасибо же, лес, тебе за нас,
Спасибо, родной, за все!

БЕССМЕРТИЕ ПЕВЦА

Последняя запись голоса Поля Робсона, прозвучавшая с пленки в зале, где проходило чествование певца в день его 75-летия, фрагменты выступлений Поля Робсона как певца и актера, русские и негритянские народные песни — на пятой звуковой странице «Кругозора».

Фото

Дм. Бальтерманца



5

В Нью-Йорке на одной из оживленных улиц Манхэттена открыт музей Поля Робсона. Музей небольшой — всего три комнаты. Здесь его личные вещи, концертные и театральные афиши, фотографии, пластинки... Музей содержится на средства, собранные друзьями и почитателями великого негритянского певца и актера. Власти не дали ни цента на организацию музея. Сам Поль Робсон был последние годы тяжело болен, жил с сестрой в Филадельфии и умер в бедности 23 января 1976 года.

Отец Поля Робсона был рабом на плантациях в штате Южная Каролина, который, кстати сказать, и сегодня считается одним из самых расистских штатов страны. Отец Поля бежал на север в поисках свободы. Там его уже не называли «рабом», но чашу горечи и унижений он испил до дна. С трудом ему все-таки удалось дать образование сыну, он мечтал, что тот станет адвокатом, но... могучий талант определил его творческий путь. Поль Робсон стал поющей душой негритянского народа.

Его популярность и как певца и как актера росла очень быстро. Концерты Поля Робсона собирали огромные аудитории. И власти тут же попытались его приручить: ведь не один певец или музыкант продавал свою душу золотому тельцу. Но Поля Робсона среди них не оказалось. Когда в Испании фашизм топил в крови республику, Поль Робсон уехал туда, мечтая стать бойцом Интернациональной бригады. Но винтовку ему не дали: его голос, его песни стали самым грозным оружием.

В 1949 году Робсон приехал в Париж на Всемирный конгресс сторонников мира. Он стал членом Всемирного совета Мира, лауреатом премии «За укрепление мира между народами». Не раз приезжал Поль Робсон в нашу страну и называл ее своей второй родиной.

В мрачный период маккартизма он был занесен в «черные списки», перед ним закрылись двери концертных и театральных залов, перестали выпускаться пластинки... Заговор молчания. Его пытались заживо похоронить. Несколько раз покушались на его жизнь... «Я — пленник в собственной стране», — с горечью говорил Поль Робсон. Но он не сдавался. Ездил по Америке, пел для простых людей на подмостках, установленных под открытым небом. И люди всего мира хорошо знали высокую цену этого громадного таланта.

Один из руководителей Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки, Джеймс Джексон, уже после смерти Поля Робсона сказал: «Вся его жизнь — это пример бескорыстного служения своему народу, пример неукротимости духа, свободолюбия, преданности делу мира и дружбы между народами. Имя Поля Робсона, его песни зовут к борьбе против несправедливости и угнетения. И в этом бессмертие великого певца и Гражданина с большой буквы».

Юрий СОЛТОН
Вашингтон

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

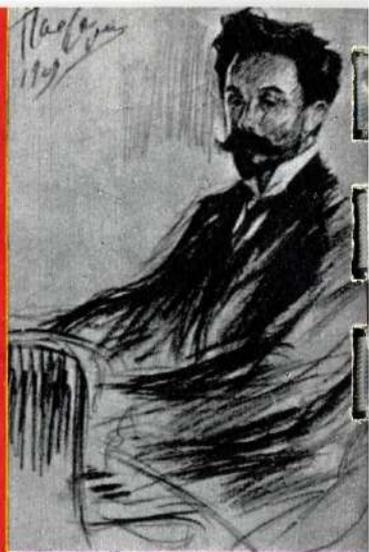
ОГОНЬ ПРОМЕТЕЯ

6

Скрябин не сочинял своего «Прометей» по какой бы то ни было поэтической канве. И все же смысл этого сочинения и, быть может, облик самого композитора в момент творчества передан в известном стихе Гёте:

Хоть я не бог,
Но все ж себя
Ничуть не ставлю ниже.
Бессмертны? Всемогущи?
Но в чем же?
Способны ль вы
Вместить всю ширь
Земли и неба
В одной моей руке?

Скрябин чувствовал себя творцом Вселенной, когда строчку за строчкой на титульном листе выписывал:



«Прометей». Поэма огня. Для большого симфонического оркестра и фортепиано с органом, хором и световой клавиатурой...»

Вся масса музыки была им включена в песнь о мифическом титане, которого композитор считал «воплощением принципа активности». «Прометей,— писал Скрябин— это огонь, свет, жизнь, борьба, усилие, мысль». Нам, живущим в последней четверти XX века, знакомым не с воображаемым космосом, а его реальной фотографией, легко представить себе краски Скрябина в начале «Прометей». Вершины лунных гор, неземные ледники в холодном мраке. Там спят какие-то хаотические силы. Дремлющий вулкан. И внезапно снизу, из

неведомых бездн начинает бить огонь. Пламя взлетает вверх. Две звучащие страницы «Прометея» — дверь в скрябинский мир, и не только в сферу его «поющих звезд». Музыкальный чертёж «Прометея» отражает и землю и страну, в которой жил и творил Скрябин. То была Россия между двумя революциями. «Прометей» помечен 1911 годом. Скрябин не был музыкантом-отшельником. Политика, социология, философия — его взгляд был широк. Потому Луначарский и мог сказать о нём: «Он тоже был буревестником. То есть одним из тех художников, которые чувствуют надвигающуюся грозу, накопленные электричества в атмосфере, и реагируют на эти тревожные симптомы».

2 марта 1911 года Скрябин, исполнявший партию фортепиано на премьере «Прометея», мощными аккордами ввел голос рояля в звучащее полотно. Он казался себе провозвестником. Ему чудилось, что он открывает занавес будущего. Но при этом по партитуре он должен был показать не только громаду сцены своего действия и дух Прометея, он еще хотел зажечь его огонь буквально и погрузить аудиторию в потоки света. Но в 1911 году, как, впрочем, и теперь, это оказалось невозможным. Позже, 60 лет назад, перед исполнением была выпущена программка. Она была написана другом Скрябина поэтом Бальмонтом, который объяснял публике: «Эльф среди людей, Скрябин обладал цветным слухом, как до него им обладали могучий Берлиоз,

пламенный Лист и жидкий-но-свежий Римский-Корсаков. Цветной слух выражается в том, что звуки или певучие суммы звуков, гармоний, тональностей сочетаются с ощущением света, цвета...»

Эту книжечку — величайшую библиографическую редкость — показал мне народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Г. Н. Рождественский. Он дирижировал «Прометеем» в 1977 году в Москве.

— Там, — заметил Рождественский, — было еще сказано: «Разве, когда внезапно протянется полоса солнечного света в комнате, мы не подходим безотчетно к роялю и не начинаем играть?» Вот этот первоначальный импульс, — продолжал дирижер, — ощущения света Скрябин развил и возвысил до световой симфонии в «Прометее». Это — величайшее произведение. Порыв необычного накала, запечатлевший стремление композитора прорвать мрак, пробиться к свету и сделать это в музыке, позвав на помощь цвет. Синтез искусств характерен для гения Скрябина. Вместе с оркестром, хором и солисткой — лауреатом Международного конкурса имени Чайковского Викторией Постниковой мы попытались воплотить замысел автора. Мы не могли, правда, исполнить световую строку Скрябина, для этого нужен, я уверен, специальный зал, но я надеюсь, что это в конце концов осуществится...

Артём ГАЛЬПЕРИН



На фотографии В. В. Постникова и Г. Н. Рождественский в момент работы над партитурой «Прометея». Музыкальные фрагменты симфонической поэмы Скрябина вы услышите как бы в двух планах — в репетиционном фортепианном эскизе дирижера и в трансляционной записи концерта из Большого зала консерватории в Москве 23 июня 1977 года. В начале разговора дирижер предложил дать слово «человеку из публики» — одной из слушательниц «Прометея». Эта женщина — Мария Александровна Скрябина, дочь композитора, — пришла после концерта поблагодарить музыкантов... Слушайте шестую звуковую страницу

Фото
А. Лидова

ИСТОРИЯ КРАСНОГО БРОНЕПОЕЗДА

Распространенная фотография тридцатых годов — люди с флагами и транспарантами «Мы идем смотреть «Чапаева». Но традиция эта родилась раньше: со знаменами и оркестрами через всю Москву — от вокзалов до Художественного театра шли рабочие, специально приехавшие в столицу на спектакль «Бронепоезд 14-69».

Юбилейную пьесу к 10-летию Октября Художественный театр искал трудно.

Из записей Станиславского: «Эволюция нашего театра на путях современной общественности совершается с большими трудностями. Роль, которая предназначалась искусству и театру в новой жизни, вначале показалась нам не отвечающей эстетическим требованиям артиста. Утонченность нашего творчества казалась нам малодоступной для миллионов новых зрителей».

А вначале идея и решение репертуарной коллегии театра в декабре 1926 года сформированы так: подходящей пьесы нет, а спектакль необходим, и потому надо пригласить группу писателей, а именно: Бабель, Булгаков, Вс. Иванов, Леонов и др. — и предложить им написать каждому по одной «сцене» на революционную тему. Из этих «сцен» и собрать юбилейное представление.



Леонов написал эпизод «В Смольном».

Бабель сел за драматургический вариант «Конармии».

Вс. Иванов принес инсценировку двух фрагментов из своей повести о том, как сибирские партизаны захватили белогвардейский бронепоезд и отправились помогать восставшим рабочим. В тот самый день план спектакля «из отрывков» был отвергнут, театр

заключил договор с автором истории о бронепоезде номер 14-69. Седьмой вариант пьесы был признан «удовлетворительным для начала репетиций». До праздников оставалось меньше трех месяцев. Репетиции начались под удивление и недоумение многих почитателей театра.

Элегантный, блистательно «светский» Качалов в роли мужика?

Тупой грохот железного бронепоезда на сцене, где все так прочувствованно и психологически тонко?

И неужели в финале вынесут убитого большевика и выйдут, как на демонстрацию, с флагами?

Когда триумф этого спектакля станет всемирным, известный американский критик Оливер Сейлер напишет: «Я посмотрел «Бронепоезд» в Художественном театре, я увидел, как великие актеры, проникшись духом пропаганды, превращают эту пропаганду в величайшее искусство».

Запись репетиции. Станиславский: «Все в спектакле — речь, одежда, квартира, железнодорожная станция, дело — должно быть просто, обыкновенно, по-русски. Но эту обыкновенную русскую речь и обстановку мы должны поднять до яркого символа».





Замечательное открытие МХАТа — В. И. Качалов в роли партизанского вожака Никиты Вершинина. На звуковой странице вы услышите его голос. О работе над спектаклем рассказывает автор пьесы Вс. Иванов. Фотографии представляют Станиславского на репетиции и Хмелева в роли большевика Пеклеванова (снимок справа).



Запись репетиции. Хмелев (он играет председателя ревкома Пеклеванова): «Я хочу немножко походить на Ленина, на молодого. Помните фотографии? Все большевики один больше, один меньше немножко похожи на Ленина... Вы как думаете?..»

Премьеру сыграли 8 ноября 1927 года.

Диспуты на заводах, в институтах. Специальное решение — нар-



ТЕАТР «КРУГОЗОР»

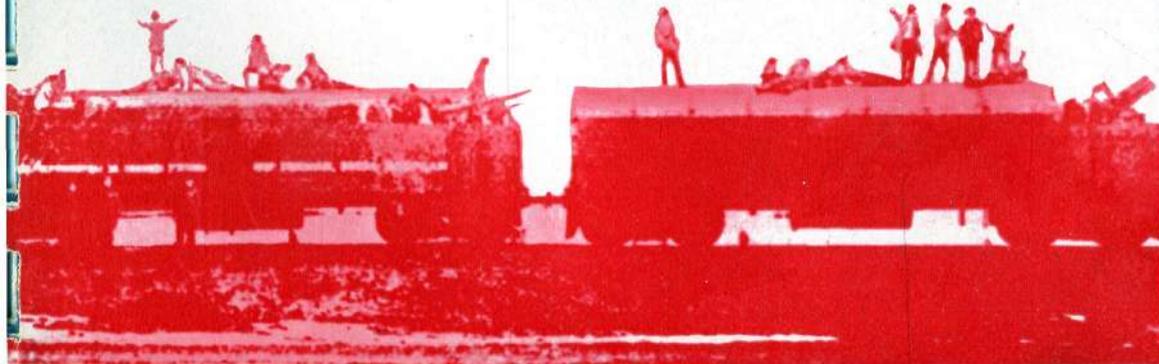
кому Луначарскому поручается перед началом или в антракте спектакля «Бронепоезд» выступить с речами об искусстве и революции. Телеграмма: директор нью-йоркского театра «Гилд» просит пьесу, надеясь включить ее в репертуар, как первый для Америки образец советской драматургии.

...«Бронепоезд» будет идти в сотнях театров — у нас и за рубежом. На афише МХАТа он встретит и семидесятые годы. Его герои появятся на оперной сцене, на киноэкране. Заговорят на разных языках. Но навсегда ценность всякого нового обращения к этой пьесе будет измеряться приближением к тому нравственному и эстетическому идеалу, о котором говорил Станиславский на одной из репетиций.

Рассказывает об этом автор пьесы Всеволод Иванов:

— Фойе. Станиславский, прищурясь, смотрит, как Баталов играет Ваську Окороча — «секретаря партизанского штаба». Не зная, как убедить американского солдата, что русские рабочие и крестьяне и вообще Советская власть ведут справедливую войну — американец ни слова не понимает по-русски, — Васька твердит одно только слово: «Ленин».

Александр ШЕРЕЛЬ



БЕСКОНЕЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ

На одиннадцатой
звуковой странице слушайте
в исполнении С. Ротару
песни «Родина моя»
(Д. Тухманов,
Р. Рождественский)
и «Лишь раз
цветет любовь»
(В. Ивасюк
и Б. Стельмах).



«Все мы очень любим певицу Софию Ротару
и особенно песню Тухманова
«Родина моя» в ее исполнении.
Если можно,
включите ее в ваш звуковой журнал».
Николаева Ирина, г. Омск

В искусстве все решает личность. Можно иметь хороший голос, уметь держаться на сцене и подобрать соответствующий репертуар, но все это останется набором эстрадных случайностей, если артист не стремится или просто не может сказать свое слово в искусстве, если его творчество—это неосознанная порой тяга к популярности. Мне это напоминает букет цветов, поставленных в вазу. Пройдет некоторое время, и, как бы ни были красивы цветы, они все равно завянут, так как вода не сможет заменить взрастившей их земли. Так и в искусстве. Подлинный талант—это постоянная, глубинная связь сердца и ума, культуры и интуиции, это бесконечное открытие самого себя, проникновение в мир лирического героя, когда каждое выступление—искренний монолог о времени и о себе. Потому что вне времени нет искусства, творчество рождается в душе идущего... Поиск не кончается всю жизнь, если эта жизнь отдана без остатка творчеству и искусству. Ибо в эстраде бывало нередко так, когда появившаяся на музыкальном небосводе звездочка оказывалась лишь отражением чужого света.

София Ротару, несомненно, яркая личность в искусстве. Природа щедро наградила ее прекрасным голосом, искренностью, страстностью, умением чувствовать и понимать глубины мелодии, проникать во внутренний мир своего героя. София Ротару—певица драматического склада. Ее особенно волнуют темы драматического, а порой и трагического насыщения, и тогда она неподдельно страдает на сцене, переживая чью-то судьбу и заставляя нас переживать вместе с нею. Ее чувства—печаль, гнев, надежда, ненависть—продолжаются в наших сердцах. Вот стоит она, хрупкая, тоненькая, порой такая беззащитная, и диву даешься, откуда в этой женщине столько страсти, огня, силы. Я много раз слушал Софию Ротару в концертах. Иногда с одним и тем же репертуаром. И каждый раз исполнение, казалось бы, уже хорошо знакомой тебе песни—это еще одно открытие, новое прочтение произведения. Наверное, так и должно быть. Ты вроде бы знаешь, что тебя ждет, и опять заново вместе с артисткой переживаешь открываемый мир чувств, музыки, поэзии.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Фото Б. Палатника

МУЗЫКА ЭКРАНА

«Служебный роман» — это наша четвертая работа с композитором Андреем Петровым. Среди авторов песен — известных поэтов — нескромно затесалась и моя фамилия. Это произошло совершенно случайно...

...В один из сентябрьских дней на Москву внезапно обрушились огромные массы преждевременного снега. Зрелище, снятое нами, было неестественным, фантастичным и необычайно красивым: зелен под снегом. А Москва в ее осеннем состоянии была одним из героев нашей комедии, и кадры осеннего города сопровожда-

Е. Евтушенко. Я стал рыться в томиках моих любимых поэтов, разыскивая стихотворение, которое соединилось бы со снежными кадрами, но не иллюстрировало изображение, а шло бы контрапунктом, чтобы стихи отражали внутренний мир наших героев, их душевный перелом. Найти стихотворение не удавалось... Но однажды в выходной зимний день, когда я гулял в лесу, из меня вдруг совершенно внезапно, без спросу буквально «выперло» стихотворение. Когда оно окончательно оформилось, у меня появилась мысль: «А нельзя ли его приспособить к новому эпизоду?» Уверенности у

дозрил подвоха, и текст понравился. Один лишь Андрей Мягков недовольно пробурчал, что стихи ничего, но не больше. Я послал стихотворение в Ленинград Андрею Петрову, как можно убедительнее описав байку про Блейка. Закончил письмо фразой: «Если Вам понравится текст, сделайте песню. А нет — будем искать другое стихотворение...» Андрею Петрову в голову не могло прийти, что я могу по такому серьезному делу учинить розыгрыш.

Так родилась песня «У природы нет плохой погоды...». Я не знаю, получилось ли то, чего я добивался. Не мне об-



РОМАН



СЛУЖЕБНЫЙ



лись песнями, раскрывающими вторую план кинокартины. Песни в фильме поют исполнители главных ролей — Алиса Фрейндлих и Андрей Мягков. Главные герои не имели права по сюжету, да и по характеру, петь песни в кадре. Это было бы натяжкой... Но эти песни могли звучать в их душах, они могли бы их петь, если бы их жизнь сложилась иначе, они смогут петь, когда найдут друг друга.

Для всех эпизодов картины, кроме «Первого снега», уже были найдены стихи Р. Бернса, Н. Заболоцкого,

меня не было. Тогда я решил проделывать эксперимент. Принес стихи на студию и сказал, что нашел у Вильяма Блейка, английского поэта конца XVIII — начала XIX века, стихотворение, которое, как мне кажется, вполне может подойти к эпизоду. Я понимал, что если я назову подлинного автора, то могу поставить своих товарищей в неловкое положение. Ведь я руководитель съемочной группы, и, может быть, им будет неудобно сказать мне горькую правду, а уж о Блейке они выскажутся искренне. Никто не запо-

этом судить. Но я хотя бы уверен, что в этом случае не использовал своего служебного положения.

Эльдар РЯЗАНОВ

«Музыкальный диалог» А. Фрейндлих и А. Мягкова — на десятой звуковой странице: песни А. Петрова на стихи Р. Бернса («Моей душе покоя нет...»), Н. Заболоцкого («Обрываются речи влюбленных...») и Э. Рязанова («У природы нет плохой погоды...»).

Фото И. Гневашева

О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звезд в небесах.
Кобаяси Исса

Хадиша наслаждалась. На дне чайника еще оставался красный чудесный настой, и она снова наполнила пиалу.

В открытую дверь передней впорхнул какой-то неслышимый зов, заставивший Хадишу выглянуть на улицу. Вдоль арки вился змеей выюнок, придавленный зноем. Листья яблонь были припорошены пылью. Ее вдруг охватило желание выйти в сад с влажной тряпкой и вытереть каждый листочек. С солнечной стороны яблоки уже начали румяниться. Нахальные куры расклеивают помидоры.

— О проклятая птица! — в сердцах сказала Хадиша. — Нет на вас погибели! В этом году был богатый урожай помидоров. А можно ли ей нужно одной? Она

ПЕСНИ ЦИКАДЫ



Шерхан
МУРТАЗАЕВ

сказала детям своего кайны* Шалабая, чтобы они собрали овощи, но те отмахнулись:

— Зачем нам? Своего девать некуда!
— Сытость, — вздохнула Хадиша. — Дети разучились ценить хлеб.
— Фото! Фото!

И на дремающую от полуденного зноя улицу высыпали из домов люди. Аул лежал в стороне от районного центра, и каждый новый человек здесь вызывал интерес и жгучее любопытство. Как тут вытерпишь?!

Хадиша вспомнила, что в прошлый раз развездной фотограф увеличил старую фотокарточку соседки Акшай, снятую еще в молодости.

«Совсем из ума выжила баба! — заругалась про себя Хадиша. — Нынешней молодежи подражает и свой портрет рядом с карточкой старого Куракбаса на стенку повесила».

* Кайны — младший брат мужа.

Но у нее и самой было дело к фотографу. Она давно хотела увеличить карточку Максута, снятого в военной форме. Единственная его фотография. А потом Максут пропал без вести.

Приезд «бродячего» фотографа, как она называла работника быткомбината по старой памяти, оказался к стати. Ей все не удавалось вырваться в районный центр. Где уж бегать, как девчонке, когда ноют колени и каждый шаг причиняет боль! Говорят, это сказывается время, когда обожженными ступнями мерила она раскаленную землю, когда посиневшими ногами месила холодную глину, когда часами стояла в ледяной воде, чтобы только напоить всходы свеклы. То время, военное, сказывается... А вода была горная, студеная. А свекла была как дитя и заботы ждала от женщин.

Она откинула крышку сундука и достала со дна картонку с наклеенной фотокарточкой Максута. Хадиша, щурясь,

посмотрела на мужа. И показалось ей, безумной, что муж в этот миг переступил порог ее дома — смуглый, плечистый джигит с открытым лбом и спокойными глазами.

Это была еще довоенная карточка. Максут участвовал в боях под Халхин-Голом, был кавалеристом. Вернулся в аул и приводил односельчан в восхищение искусством джигитовки. Люди прищипывали языками, глядя, как он летит под брюхом лошади вниз головой, делает стойку в седле на полном скаку, танцует на крупе лошади.

Слава о парне полетела по аулам. Тогда-то и встретилась с ним Хадиша...

— О жизни! — вздохнула она, бережно вытирая рукавом фотокарточку.

Фотограф долго смотрел на Максута и наконец спросил:

— Сынок твой, а, мать?
— В своем ли ты уме? — возмутилась Хадиша. — Это мужик мой! Увеличить



требуется. Сделай хорошо, понял? Да смотри не потеряй!

Хадиша не была грубой, но тут не сдержалась. Задело, что Максута принимают за ее сына. Не зря говорят казахи, что сесть супругам надо вместе. А Максут остался молодым. Даже в ее памяти.

Фотограф понял, что разбередил в женщине вечно открытую рану. Он посмотрел на Хадишу и сказал тепло:

— А есть у тебя карточка, где вы с хозяином вместе?

Но и этот вопрос пришелся женщине не по душе.

— Ох, и болтун же ты! Нету! Нету такой карточки! Все собирались съездить сфотографироваться. Дособирались! Война началась.

Фотографу стало жаль Хадишу. Он еще раз посмотрел на фотокарточку молодого мужчины в военной форме и спросил:

— А у тебя есть карточка, где ты совсем молодая?

Хадиша протянула руку за фотокарточкой Максута.

— Не фотографировалась я отдельно. В сундуке валялась одна, где мы с подружкой сняты в девках. Кто знает, может, до сих пор и лежит. Кому она нужна?

— А ты принеси-ка мне ее,— попросил фотограф.

— Вот глупый!— в сердцах сказала Хадиша.— Ты эту увеличь!

Но фотограф заупрямился:

— Принеси свою карточку.

— Эх, сразу видно, что упрямый. Как объез тебе в башку что-нибудь, так и не отступится.— засмеялась Хадиша и пошла домой, послушная, как девчонка. Вскоре она вернулась с карточкой.

Фотограф оценивающе посмотрел на улыбающихся юных подруг, затем на молодого Максута, почесал затылок и кивнул. Посмотрев на Хадишу, он покачал головой.

— Что? Не похожа?— встревожилась вдруг Хадиша.— Вот смотри— это я, а рядом подруга моя Улбосын. Вместе росли. За одной партой сидели. Незадолго до ее свадьбы сфотографирова-

лись. Видишь, смеется. Не знали еще, что нас ждет, какие испытания. Ушел и ее муж на войну, а обернулся похоронкой. Сын остался единственный. Вырос парень, джигитом стал, кормильцем и опорой матери. Что ж, и это счастье! Место отца заступил, не дал погаснуть огню в его очаге.

Фотограф смотрел на стоявшую перед ним старуху и старался найти в ней сходство с веселой девчушкой, что была на снимке. Только по живым, искривленным глазам можно было угадать...

Через неделю уже знакомый здесь «Запорожец» снова пропылил по аулу и остановился на старом месте. Фотограф выполнил все заказы колхозников. К великой радости людей, он тут же роздал их в руки.

— Ой-бай! Да ты здесь просто городской щеголь!— восторгалась одна.

— Да и ты красавица писаная!— хохотал тот в ответ.



Фотограф был лакировщиком действительности. Людей, изображенных на старых фотокарточках, он, невзирая на лица, наряжал в моднейшие куртки и уважаемые куртки. Если ты раньше фотографировался в бешмете или чекмене, то теперь перед глазами односельчан предстает чернофрачным дипломатом, правда, стриженным под полубокс, или элегантною леди в косынке...

Пришла и Хадиша. Фотограф молча вручил ей большую фотографию, наклеенную на картон. Хадиша взглянула на фотокарточку, и бровь ее удивленно поползла вверх. Она растерянно моргнула и впилась в это чудо. «Ах, господи! Да что это такое?»— тихо простонал кто-то в ней.

Люди столпились вокруг и молчали растерянно.

— Ха! Ты ли это, Хадиша?— вскричала наконец ехидная Акшай.— Что же это муженек твой на тебя и не смотрит?

Поссорились вы, что ли, перед тем как идти к фотографу?

Именно эти слова хотела сказать фотографу Хадиша, но теперь сдержалась.

На фотографии был изображен Максут, демобилизованный властью районного фотографа. Был он одет в моднейшую черную пару. Грудь его украшал великолепный галстук. Максут стоял, хмурия брови, словно стесняясь себя, одетого по моде семидесятых годов. Кроме того, фотограф вырезал бедную Улбосын, на ее место вклеил Максута, переснял и увеличил. Его тянуло наряжать людей в новые костюмы и объединять их своей волей. Не будем смеяться. Ему хотелось, чтобы люди всегда были нарядны и веселы. Ему хотелось, чтобы молодые, разлученные войной, снова были вместе. Разве это так уж смешно?

— Ох, несчастная! Когда это вы успели сфотографироваться?— подбоченилась Акшай.

Хадиша села у весело журчавшего арыка, прислонившись к тонкому деревцу.

— А ты уж и не помнишь, Акшай?— сказала она наконец.— Мы же сразу после свадьбы специально ездили в район. Ты же раньше не раз видела эту карточку, и вдруг память отшибло, гляди-ка! Мы с Максутом не будем висеть на разных гвоздях, как вы с Куракбасом. Мы всегда были вместе! всю жизнь!

Гордо сказала она эти слова. И голос был необычайно молодым и звонким. А старая Акшай съехала на глазах, стала маленькой и жалкой.

— Вот, дала увеличить,— продолжала Хадиша, бережно вытирая рукавом поверхность портрета.— На самом почетном месте будет висеть. Вместе мы, вместе всегда. Эй, фотограф!— крикнула она вдруг.— Сделай мне еще одну такую же! Я хочу послать ее дочери.

Акшай молчала. Отворачиваясь, она презрительно выпятила губу. Люди медленно разошлись по домам.

И только не переставая плакала цикада... там... в горькой траве.

Перевел с казахского
Бахытжан МОМЫШ-УЛЫ
Рисунок А. Сафонова

Эхо древних родовых объединений звучит в названиях этих сел — Малая Пурга, Пуро Можга, Пуро Можга. Подлинный их смысл уже стерся из памяти. Места здесь обыкновенные — ни гор, ни стремительных рек, поля да леса, луга да деревни. «Может, и есть где места лучше, наверное, есть, да нам эти дороги, и дорожке не сыскать» — так говорят все Дедюхины. Ирина Никитична и Афанасий Матвеевич Дедюхины — основа семьи.

Сейчас песня — праздник, а достался этот праздник нелегко. Так уж принято в этом крае между Камой и Вяткой, где испокон века жили удмурты, и провожать и встречать песней. Уходит девушка замуж из села, должна оставить на память песню, уходит парень служить в армию — тоже песню. Одно дело — сейчас в армию, а в 41-м провожала Ирина Никитична мужа на фронт, и не до песен было. И Афанасий Матвеевич на фронте не часто про песни вспоминал. Почти дошел до Берлина, да ранило. Потерял руку.

Кем только не пришлось работать в войну Ирине Никитичне — и трактористкой, и агрономом, и пастухом.

Немалое село Пуро Можга — отделение совхоза ордена Ленина имени 10-летия Удмуртской АССР — почти 700 человек, а без Дедюхиных ни одно дело не обойдется. Афанасий Матвеевич сторожит совхозное добро, Ирина Никитична дома — у нее на руках уже внуки. Дочери преподают в школе, работают на ферме, в столовой, магазине. Все имеют высшее или среднее образование.

МЕЛОДИИ ПУРО МОЖГИ



Младшим сейчас с трудом верится, что когда-то в их селе один-двое могли поставить свою подпись. Сейчас среднюю школу, где директорствует Елизавета Афанасьевна, заканчивает почти вся молодежь Пуро Можги.

И среди зятьев нет лодырей — механизаторы, шоферы, председатель сельского Совета... и гармонисты. Без этого в семейном ансамбле делать было бы нечего. Не стыдно Афанасию Матвеевичу за свою немалую семью — и в труде передовики, не роняют его солдатскую славу, и поют неплохо, иначе бы не присвоили им всем звание лауреата Всесоюзного фестиваля самодельного художественного творчества трудящихся...

Стоят на сцене рядом с родителями дочери по старшинству: Нина, Елизавета, Анна, Валентина, Серафима с мужьями и Люба, Полина, Галя. Молодые, спокойные лица тружеников, которые и песню народную несут нам с достоинством, без суеты, как память, которую нельзя не уважать, не хранить.

Ну вот, теперь все в сборе, можно начинать. На днях состоялось выступление ансамбля вместе с внуками Афанасия Матвеевича и Ирины Никитичны. И если семья — семь «Я», то теперь в их хоровой семье трижды по семь...

С. БОГАТЫРЕВА

Фото В. Шелуменко



ПЯТЕРО

Мне хотелось бы послушать и прочитать об ансамбле из ГДР «Пудис». А. Журкаев, Джембульская обл., с. Михайловское.

Когда в Германской Демократической Республике заходит речь об этом ансамбле, молодежь обычно единодушна в выражении своих симпатий. Вот уже пять лет подряд, согласно опросам журнала «Новая жизнь», «Пудис» — самая популярная группа в республике. Люди постарше, быть может, не столь единодушны, но отдают ему должное и признают, что у его песен серьезное и интересное содержание.

Как считают сами «Пудисы» — а они сумели это доказать, — обработка классики, произведений мировой литературы (в их репертуаре, например, «Песня о Буревестнике» Максима Горького) в ансамблевым исполнении так же уместна, как и современный материал. Под музыку «Пудисов» не только увлеченно танцуют, их выступления красочны и ярки благодаря оригинальному использованию световых и акустических эффектов, необычных инструментов. Советские зрители могли убедиться в этом по четырем гастрольным поездкам «Пудисов» по нашей стране.

Однако вначале профессии их были далеки от музыки: пекарь, речник, чертежник, облицовщик, учитель. Объединившись в 1969 году в ан-

ИЗ БЕРЛИНА

самбль, Петер Майер, Харри Еске, Дитер Бирр, Гунтер Восилус, Дитер Хертрамф закончили затем музыкальную школу в Берлине. Более чем наполовину репертуар ансамбля состоит из их собственных композиций и отличается большим разнообразием — от зажигательных ритмов и блестящих пародий до песен с философскими обобщениями. Песни, которые вы услышите на звуковой странице «Кругозора», появились в репертуаре ансамбля недавно, в течение нескольких месяцев занимали первые места в списке наиболее слушаемых и сохранили свою популярность до сегодняшнего дня.

К. ПРОКУРОНОВА

На восьмой звуковой странице две песни из репертуара вокально-инструментального ансамбля «Пудис» — «Камни» и «Воскресные поездки». Музыка песен написана Д. Бирром, слова В. Тильгнера.



Песня для исполнителя — его визитная карточка. Довольно часто можно услышать: песня Марка Бернеса, песня Клавдии Шульженко, песня Муслима Магомаева... И это справедливо. Настоящий исполнитель подходит к песне творчески, она должна соответствовать его убеждениям, его манере, его вокальным данным. В песню нужно обязательно влюбиться — и тогда, быть может, она ответит тебе взаимностью, откроет свою душу...

Вокально-инструментальный ансамбль «Самоцветы» умеет находить песни. Свои песни. И именно поэтому ансамбль имеет свое лицо. Ребята понимают душу песни. Они помощники композитора и поэта, по существу, соавторы. Так и должно быть в идеале. С ним сотрудничают известные советские композиторы Серафим Туликов, Марк Фрадкин, Владимир Шаинский, Давид Тухманов, нередко доверяя первое исполнение песни. А ведь от первого исполнения во многом зависит дальнейшая ее судьба.

Вместе со своим художественным руководителем Юрием Маликовым участники ансамбля выработали четкое направление, творческую линию: советская молодежная песня. Причем определяют они это понятие для себя довольно широко. Наряду с песнями патристическими, наполненными гражданским содержанием, в репертуаре, как правило, присутствуют лирика и веселая шутка.

Инструментальную группу ансамбля представляют В. Пресняков (саксофон), В. Кретьюк (фортепиано), В. Полонский (ударные), В. Хабазин (соло-гитара), В. Беседин (труба).

СА МО ЦВЕ ТЫ



Достаточно сильна и разнообразна вокальная группа: С. Беликов, Е. Кобзева, А. Брандов, Е. Курбаков и А. Хоралов. Надо сказать, что это деление чисто условное, ведь каждый музыкант поет, а каждый солист играет.

У меня творческая дружба с «Самоцветами» началась давно: наша с Марком Фрадким песня «Увезу тебя я в тундру» стала первой репертуарной песней дебютирующего коллектива. Ансамбль постоянно совершенствуется: стали более яркими аранжировки, более сложной — партитура, более желанным — многоголосие.

С каждым годом расширяется география гастролей. Только в последнее время «Самоцветы» выступали с концертами на Украине и на Урале, в Киргизии и Таджикистане, в Казахстане и Молдавии. Их слушали строители Нурекской ГЭС и строители железной дороги Белорецк — Чимшы в Башкирии. Недавно репертуар ансамбля пополнился новыми песнями: «Бамовским вальсом» композитора Серафима Туликова и «Все позабуду» Ю. Маликова. Когда в передаче «До-ре-ми-фа- соль» прозвучал «Бамовский вальс», в адрес «Самоцветов» пришло очень много теплых писем от бамовцев.

— Что ж, пора собираться в дорогу! — шутят ребята. — Надо спеть «Бамовский вальс», как говорится, самим адресатам — строителям Байкало-Амурской магистрали!

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

Фото Б. Палатника

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. «**Меридиан мужества**» — монолог лауреата Ленинской премии геофизика **Л. Кабаева**.
2. «**Шаг за шагом — дорога**». Рассказывает первопроходец БАМА **К. Мещанинов**.
3. «**Бронепоезд 14-69**». Воспоминания **Вс. Иванова** об истории спектакля.
4. «**Трудное счастье гимнаста**». Размышляют гимнасты заслуженные мастера спорта СССР **Н. Андриянов** и **Л. Бурда**.
5. **Поет Поль Робсон**.
6. «**Прометей**» **А. Скрябина**. Фрагменты поэмы комментируют дочь композитора — **М. А. Скрябина** и народный артист СССР дирижер **Г. Н. Рождественский**.
7. **Народные песни Удмуртии** исполняют жители села Пуро Можги.
8. **Ансамбль «Пудис»** (ГДР): песни **Д. Бирра** и **В. Тильгнера** «Камни» и «Воскресные поездки».
9. **Ансамбль «Самоцветы»**: песни **С. Туликова** и **Ю. Маликова** на стихи **М. Пляцковского** «Бамовский вальс» и «Все позабуду».
10. **Музыка А. Петрова** из кинофильма «**Служебный роман**».
11. **Поет София Ротару**: «Родина моя» (**Д. Тухманов**, **Р. Рождественский**) и «Лишь раз цветет любовь» (**В. Ивасюк**, **Б. Стельмах**).
12. **Карел Готт** (Чехословакия): «Золотой прииск» (**К. Свобода**, **И. Сухи**) и «Город огромный» (**А. Зацепин**, **Л. Дербенев**).

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1977 г.

На первой странице
обложки
рисунок художника
В. Семенова

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
23/VIII 77 г.
Б 05602. Подп. к печ.
30/VIII-77 г.
Формат 60 × 84¹/₁₂
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 1042. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени **В. И. Ленина**.
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».

СПОРТИВНАЯ ДОБЛЕСТЬ

...Увлеченные зрелищем, захваченные причудливыми поворотами спортивного сюжета, оторвите взор от своих любимцев, посмотрите на их тренеров. Разные они. Один чувствует себя капитаном на мостике, другой, словно живая «шпартгалка», руководит подопечным, третий, кажется, вот сейчас сам ринется на помощь воспитанику, четвертый... как Толкачев — фото внизу — непроницаем.

Бытовало раньше такое мнение: создать сильную команду, воспитать яркого спортсмена можно только в центре. В Москве, Ленинграде, мол, и тренеры мудрее и условия получше. Стойкое это заблуждение развеяло время. В Воронеже **Ю. Штукман** воспитал **Бурду**, в Гродно у **Р. Кныша** выросла **Корбут**, **В. Дмитриев** из Витебска подготовил **Петрик** и **Лазаркович**, а в Грозном **В. Растороцкий** — **Турищеву**...

Николай Григорьевич Толкачев начинал почти на пустом месте. Никаких гимнастических традиций во Владимире не было. Да и приехал он сюда из Норильска, города, не отмеченного особой спортивной славой. Но жизненный и тренерский опыт у него имелся. Словом, он был уже готов к тому, чтобы создать свою школу. Приспособил для занятий старый дом, втиснул туда гимнастические снаряды,

УЧИТЕЛЬ,

В биографии **Н. Андриянова**, казалось бы, нет ничего примечательного. Его путь к олимпийскому пьедесталу начинался, как и у многих наших чемпионов, с занятий в детской спортивной секции. На четвертой звуковой странице два эпизода из жизни олимпийского чемпиона. Рассказывают **Н. Андриянов** и **Л. Бурда**.



Главный редактор **В. С. КРЮЧКОВ**
Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),
А. Б. ДИХТЯРЬ, **И. Д. КАЗАКОВА**, **Л. Э. КРЕНКЕЛЬ**,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник)
Технический редактор **Л. Е. Петрова**



набрал ребятешек и взялся за дело. В нем счастливо уживались и администратор, и тренер, и воспитатель. Повозился он с мальчишками немало. То кому-то первый успех вскружит голову, другой бросал тренировки, у третьего еще что-то. И Толкачев где убеждением, а где и требовательностью осаживал зазнаек, возвращал отступников. Так в буднях и складывалась его школа. Теперь она общепризнанна. Среди воспитанников Толкачева — мастера спорта, чемпионы различных рангов. В их числе и олимпийский — Николай Андрианов.

Ответственные соревнования. Сосредоточенный, углубившийся в себя Андрианов подходит к снаряду. А его тренер кажется безучастным. При смене гимнастических снарядов Толкачев аккуратно переносит за своим учеником тугую спортивную сумку. Слово, другое на ходу, и опять — полное безразличие к событиям на помосте. «У нас так заведено, — объяснил мне Андрианов. — Ничего не поправлять, не менять на ходу. В пылу борьбы азарт не всегда помогает. Главное делаем на тренировках, обсуждаем каждый элемент, каждый шаг. И еще такой штрих. Получаю я, скажем, медаль, спускаюсь с помоста. Толкачев ко мне. Отбирает ее, сует в карман или в сумку. Будто у меня и нет никакой медали. Иные не

ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА

скрывают радости, любят награду, что-то есть, мол, а я всегда начинаю как бы с нуля. У нас так...»

Андрианов в суждениях сдержан, скуповат на восторги. Ответы его лаконичны и точны. Сравнить их можно с его же гимнастическими упражнениями: ничего лишнего. И в зале он такой же: собран, сосредоточен.

Авторитет его у мальчишек местной спортшколы непререкаем. И подмечают они каждое движение чемпиона, пытаются повторять и самые сложные его элементы.

— Весь на виду! Тут уж никак не расслабишься! — замечает Андрианов. — Сложнее, чем на соревнованиях.

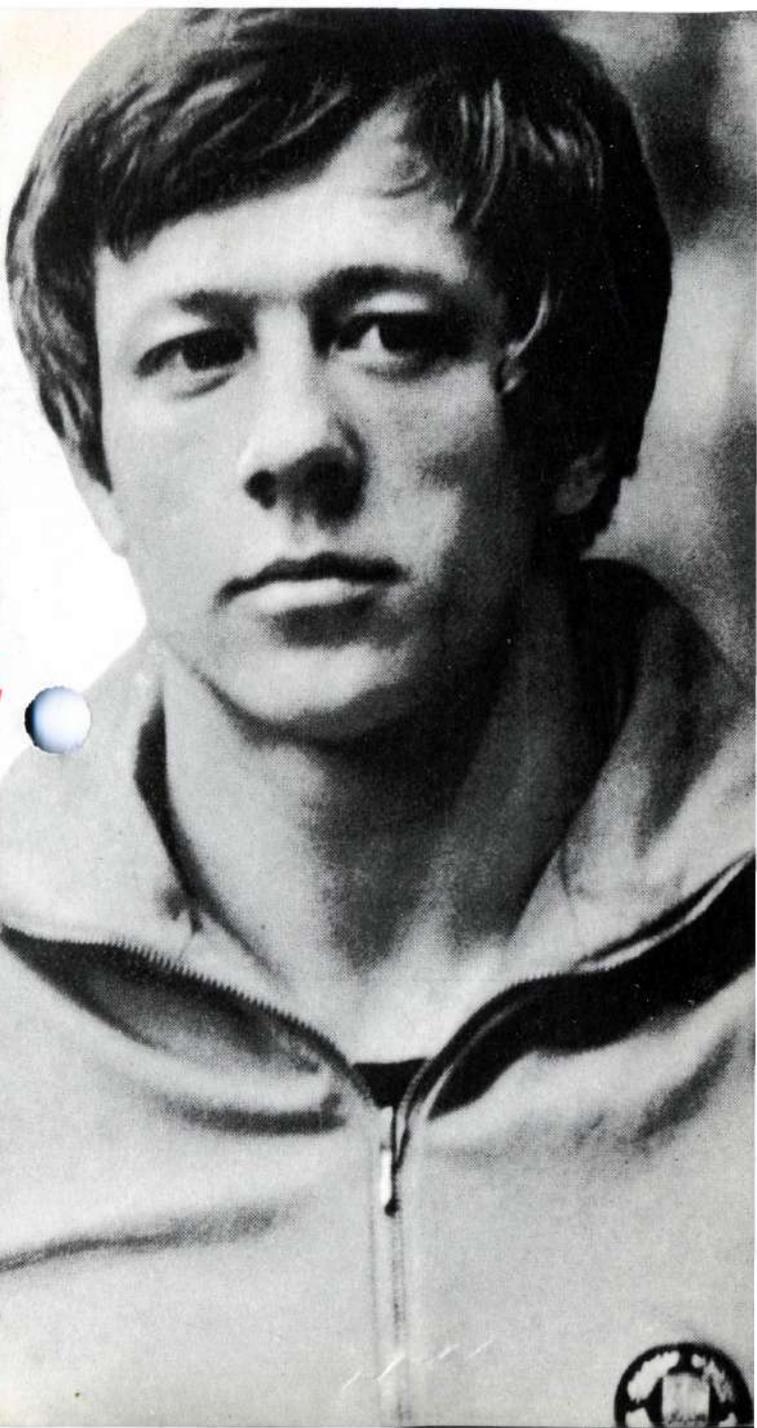
Михаил Воронин — имя это в спорте известно каждому — утверждает, что, кроме штатного тренера Евгения Королькова, большое влияние на него оказал и старший товарищ по команде. Наблюдая за Борисом Шахлиным, за его манерой держаться, умением вести спортивную борьбу, подчинять свои интересы общим, Воронин достигал жизни.

А сам Воронин служил примером для Андрианова. И Андрианов теперь для владимирских мальчишек не только тренер...

Валентин СКОРЯТИН

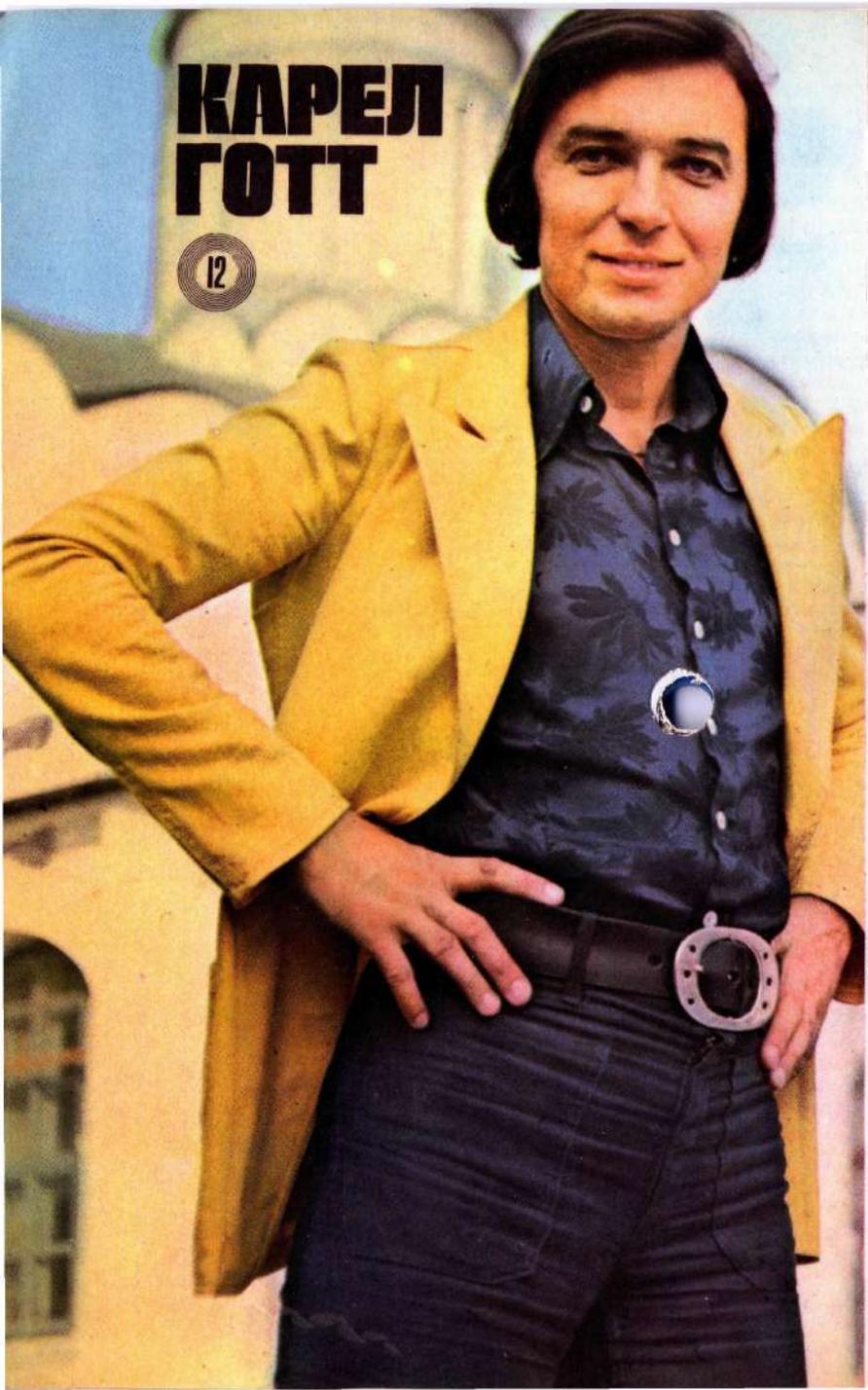
г. Владимир

Фото Ю. Маргулиса



КАРЕЛ ГОТТ

12



ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ
Чехословакия

Карела Готта, известного эстрадного певца, хорошо знают и любят в нашей стране. Недавно он опять был гостем СССР, и нам представилась возможность встретиться с ним. Готт с интересом отнесся к письмам читателей «Кругозора» и охотно ответил на заданные в них вопросы о его жизни и творчестве. — Как я провожу свободное время?—повторил он вопрос из письма студентов из Балакова.—Если учесть, что большую часть года я нахожусь в поездках, то свободного времени у меня нет. И все же я стараюсь не забывать свои занятия спортом. Гантели—необходимая часть моего спортивного реквизита—всегда со мной. А по утрам мне иногда даже удается выбраться на теннисные корты в парк Сокольники, но это редкие и счастливые часы.

Над чем я работаю сейчас, чем увлечен? (Вопрос школьников из бухты Провидения.) Дома я веду телевизионные музыкальные представления. Проходят они в небольшом театре города Сланы, в окрестностях Праги. В октябре в одной из этих программ я буду петь вместе с краснодарским ансамблем «Кубанские казаки». Я его однажды слышал, он мне понравился, его искусство ярко и красочно. Он наверняка будет иметь успех у нас.

Мой любимый композитор? Карел Свобода. Его песни я пою во всех концертах, а самые популярные—«Леди Карнавал» и «Напиток любви».

От имени наших читателей и слушателей и я поздравила Карела Готта с присвоением ему почетного звания заслуженного артиста ЧССР. Прощаясь, он сказал: «Я сердечно благодарю всех ваших читателей, всех, кто прислал эти милые письма в мой адрес. Спасибо всем за любовь к песне».

Марина НАТАЛИЧ

На звуковой странице Готт исполнит две песни— «Золотой прииск» (музыка Карела Свободы, стихи Иржи Сухи) и «Город огромный» из кинофильма «Центровой из поднебесья» (музыка А. Зацепина, стихи Л. Дербенева).

Цена 1 р. 20 к. Индекс 70461